

Случилось все это в Покапалье – маленьком горном селении. Его домишки толпятся на самой макушке высокого холма. Склоны холма до того круты, что, когда курам приходит время нести яйца, жители Покапальи каждой несущей подвязывают полотняный мешочек. А не подвяжи – яйца так и покатаются вниз по склону, прямо к подножию холма, поросшему густым лесом. Почему этому видно, что жители Покапальи вовсе не такие лежебоки, какими они сlyвyт.

О беднягах вообще много чего рассказывают. Сложили даже поговорку: «В Покапалье все наоборот – осел погоняет, хозяин ревет». Но поговорку эту придумали крестьяне из долины. Ведь жители долин только и ждут случая посмеяться над жителями гор. А над пока пальцами смеялись особенно охотно. «За что же?» – спросите вы. Да только за то, что те были людьми покладистыми и никому ни в чем не перечили.

– Э-э, – отвечали они насмешникам, – дайте срок, вернется наш Мазино, посмотрим тогда, кто заревет громче – мы или вы!

Но пока пальцы знают, кто такой Мазино, а вы не знаете? Ну так вот.

Мазино – это любимец всего селения. Не подумайте, что он какой-нибудь богатырь. Вовсе нет.

Мазино родился сущим заморышем, маленьким и хилым. Мать испугалась, что он совсем раздумает жить на свете, и решила выкупать его в теплом вине. Отец Мазино докрасна раскалил на огне подкову и сунул ее в лохань с вином, чтобы оно нагрелось. После такого купанья Мазино и стал хитрым, как вино, и крепким, как железо. А в люльку маленького Мазино положили скорлупки незрелого каштана. Ведь всякому известно, что горькие зеленые каштаны делают человека умным. И верно, Мазино ума занимать не надо было – своего хватало.

Вот каков Мазино! Откуда же он должен был приехать? Из Африки. Он там служил в солдатах.

А между тем в Покапалье начало твориться что-то непонятное. Каждый вечер ведьма Мичиллина похищала из стада покапальцев то корову, то быка.

Страшная ведьма Мичиллина жила в лесу у самого подножия холма. Стоило ей только дунуть – и коровы как не бывало. Крестьяне, слыша, как с наступлением темноты ведьма шуршит и возится в лесу, стучали от страха зубами и падали на колени, призывая всех святых. Они даже стихи сложили:

Осел погоняет, Хозяин ревет, Внизу под горой Мичиллина живет.

Мы ночью боимся Ступить на порог:

Чихни Мичиллина – Мы валимся с ног.

Глухими ночами Все снова и снова У нас исчезают Быки и коровы.

Ужасная ведьма Всех бедствий причина!

Дрожите, бегите, – Идет Мичиллина!

Раньше в Покапалье коровы паслись, сколько хотели и когда хотели, а ночевали где придется. Теперь их на ночь сгоняли на полянку, выставляли дозорных и разводили огромные костры. Но и это не помогало. Потому что стоило проклятой ведьме Мичиллине зашевелиться в кустарнике, как дозорные жалась к костру, затыкали себе уши пальцами и зажмуривали глаза. А чуть рассветет, глядь – опять в стаде не хватает одной, а то и двух коров. Тут дозорные принимались вопить и плакать, трясли кулаками и посылали ведьме проклятья.

Не подумайте, что коров не искали. Крестьяне Покапальи устраивали даже облавы, только, разумеется, днем. Но ни коров, ни самой Мичиллины они так ни разу и не видели. С наступлением дня Мичиллина исчезала, оставляя только следы огромных сапог на сырой земле да пряди длинных черных волос на колючих ветках кустарника.

Пришлось бедным пока пальцам запереть своих коров в хлевах и ни на шаг не выпускать оттуда.

Шли недели и месяцы. Коровы взаперти совсем захирели. Они так отощали, что вместо скребницы их можно было чистить граблями – зубья грабель как по мерке приходились между торчавшими ребрами.

Никто не отваживался водить скотину на пастбище, никто не ходил в лес, и грибы, которых никто не собирал, вырастали величиной с зонтик.

Жители Покапальи каждый вечер сходились на деревенской площади, чтобы решить, что же им делать. Вечера в горах холодные, и покапальцы разводили костер. Сидя у огня, они чесали затылки и на все лады кляли свою несчастную судьбу, а заодно и ведьму Мичиллину.

Чесали они затылки семь дней, чесали дважды семь дней, чесали трижды семь дней и, наконец, надумали просить защиты у самого графа.

Граф жил в круглом замке на вершине соседнего холма. Замок был обнесен высокой каменной стеной, густо утыканной поверху гвоздями и битым стеклом.

Вот в одно прекрасное утро покапальцы подошли к воротам замка. Они сняли свои круглые рваные шляпы и только потом осмелились постучать в ворота. Им открыли, и покапальцы очутились во дворе замка. Они увидели множество графских наемных солдат. Солдаты сидели на земле и мазали свои пышные рыжие усы оливковым маслом. А посреди двора в бархатном кресле восседал сам граф. Четыре солдата, могучие, как молодые дубы, старательно расчесывали графу его длинную-предлинную черную бороду четырьмя гребешками. Чесали они ее с самого верху до самого низу, а потом опять с самого верху до самого низу.

Старший из покапальцев долго переминался с ноги на ногу, наконец набрался храбрости и заговорил:

- Мы пришли, чтобы просить у вашей светлости помощи.

Граф не промолвил ни слова.

- Проклятая ведьма Мичиллина, - продолжал старик, - совсем нас замучила.

Граф не промолвил ни слова.

- Мы хотим, - добавил старик, - просить вашу светлость о великой милости. Прикажите своим солдатам изловить ведьму Мичиллину, чтобы мы спокойно могли пасти наших коров.

Тут граф открыл рот.

- Если я пошлю в лес солдат, мне придется послать и капитана... - Крестьяне радостно заулыбались.
- Но если я пошлю капитана, - сказал граф, - с кем же я буду играть по вечерам в лото?

Крестьяне упали на колени.

- Смилуйтесь, синьор граф, помогите нам!

А солдаты вокруг зевали во всю глотку и мазали рыжие усы оливковым маслом.

Граф сказал:

- Я граф и стою троих. Поэтому скажу вам - нет, нет и нет. Да и вообще, раз я не видел вашу ведьму Мичиллину, - значит, никакой ведьмы нету.

Тут солдаты зевнули в последний раз, взяли ружья наперевес и стали медленно наступать на покапальцев. Те пятились, пятились и сами не заметили, как очутились за воротами.

Ничего другого не оставалось покапальцам, как снова собраться вечером на площади, развести костер и чесать затылки. Через час кто-то из крестьян сказал:

- А не написать ли нам Мазино?

Все обрадовались. Написали письмо и отправили.

И вот как-то вечером Мазино явился на побывку.

Сколько тут было шуму и радости! Мазино обступили со всех сторон. Его спрашивали наперебой и рассказывали наперебой. Через каждые два слова поминали ведьму Мичиллину.

Мазино всех выслушал, а потом заговорил сам:

- В Африке я видел людоедов, которым приходилось питаться саранчой, потому что люди не соглашались, чтобы их ели. В море видел я рыбу, обутую в туфлю и башмак; она хотела стать царицей рыб только потому, что у ее подруг не было ни туфли, ни башмака. Видел я в Сицилии женщину, у которой было семьдесят сыновей и всего один котелок для супа. Видел, как в Неаполе люди мчатся по улице, не двигая ногами, потому что если двое неаполитанцев остановятся посудачить на углу, от их крика поднимается та-кой ветер, что на всех четырех улицах невозможно устоять на месте. Видел людей черных и белых, желтых и красных, видел худых, как буйвол, и толстых, как щепка, видел немало храбрецов, а еще больше трусов. Но таких трусов, как в моей родной Покапалье, я еще не встречал.

Односельчане слушали речи Мазино, развесив уши и разинув рты. Однако когда он дошел до конца, рты их захлопнулись, и они в первый раз призадумались, не следует ли им обидеться.

Но Мазино не дал им времени подумать об этом как следует. Он заговорил снова:

– Сейчас я задам вам три вопроса, а когда пробьет полночь, я отправлюсь ловить вашу ведьму Мичиллину.

Где уж тут было обижаться!

– Спрашивай! Спрашивай! – хором закричали покапальцы.

– Пусть первым отвечает цирюльник. Много ли бород пришлось ему брить и стричь за последние полгода? И цирюльник ответил:

Бороды мягкие, бороды жесткие, Бороды длинные, бороды плоские, Холеные бороды, бороды грязные, Курчавые бороды, бороды разные Стригу я и брею без счета, – Такая уж наша работа!

– Так я и думал, – сказал Мазино. – Теперь пусть скажет сапожник.

Много ли сапог заказывали тебе за последние полгода?

– Айме! – вздохнул сапожник.

Я звонкие цоколи. Делал, бывало, И туфли С резным каблуком...

Видать, Покапалья Совсем обнищала:

Сижу я без дела, Хожу – босиком!

– И это похоже на правду! – сказал Мазино. – На третий мой вопрос пусть ответит веревочник. Много ли веревок продал ты за последние полгода?

И веревочник ответил:

Веревки прочные, плетеные, Веревки крепкие, крученые, Бечевки, дратву и канат, Тесемки, нитки и шпагат За прошедшие недели У меня скупить успели...

– Теперь, пожалуй, все, – сказал Мазино. – Очень уж я устал с дороги.

Вздремну часок-другой. Разбудите меня ровно в полночь, и я схожу за ведьмой.

Мазино улегся у костра, надвинул на глаза свою солдатскую каску и захрапел. До самой полночи покапальцы сидели не шевелясь, даже вздохнуть боялись, чтобы не разбудить солдата.

Ровно в полночь Мазино вскочил на ноги, выпил котелок теплого вина, трижды сплюнул в костер и, не взглянув ни на кого, зашагал по дороге к лесу.

Односельчане принялись ждать. Понемножку все поленья в костре превратились в уголь. Потом все угли превратились в пепел. Потом пепел стал чернеть, чернеть...

К этому времени и вернулся Мазино. Он тащил... Кого бы вы думали? Самого графа! Мазино тащил его за длинную черную бороду, а граф просил, вопил, упирался и лягался.

– Вот вам ваша ведьма! – сказал Мазино и, оглядевшись кругом, озабоченно спросил: – А куда же вы поставили горячее вино?

Хотя от костра еще шло тепло, граф весь сжался в комочек, словно муха в осеннюю стужу.

А покапальцы смотрели то на графа, то на Мазино и слова не могли выговорить от удивления.

– Ну, чему тут удивляться!?! – прикрикнул на односельчан Мазино. – Все очень просто. У ведьмы Мичиллины была длинная борода. А цирюльник сказал, что все вы исправно бреетесь. Значит, ни один из жителей Покапальине мог быть ведьмой Мичиллиной и оставлять на кустах клочья бороды.

Ведьма Мичиллина обувалась в добрые сапоги. А сапожник говорил, что покапальцы забыли, как башмаки надевают на ноги. Значит, опять-таки никто из вас не был ведьмой Мичиллиной и не

оставлял на земле следов огромных сапог, подбитых гвоздями. А если бы ведьма Мичиллина была и вправду ведьмой, зачем бы ей, скажите на милость, покупать столько веревок? Ведь нечистой силе не надо привязывать краденую скотину... Да куда же запропастилось горячее вино?!

Тем временем граф пытался спрятаться в свою собственную бороду, потому что прятаться больше было некуда.

Мазино спросил:

- Что же с ним сделать?

Покапальцы, которые до сих пор молчали, теперь принялись кричать все разом:

- Удавить его собственной бородой!

- Поставить в огород вместо пугала!

- Посадить в мешок с шестью собаками и шестью кошками.

- Э, - сказал Мазино, - от всего этого мало толку. Прежде всего пусть вернет всех украденных быков и коров. Пусть вычистит хлева, в которых из-за него заперт скот покапальцев. Ну, а потом пусть пасет стадо до тех пор, пока ребра коров не покроются мясом и жиром.

Так и сделали.

А Мазино, устроив дела односельчан, снова отправился служить в солдатах.